

Кундера Милан

20494

«Человек — это тот, кто продвигается в тумане»

«Нарушенные завещания» Милана Кундеры

Известия - 2004 -
2 апр - с. 9

Милан Кундера отметил 75-летний юбилей. Чешско-французский писатель, создатель «Невыносимой легкости бытия», «Бессмертия», «Неспешности», «Подлинности», «Безразличия» предстал накануне своего юбилея перед российским читателем еще и в качестве эссеиста и исследователя романа в книге «Нарушенные завещания».

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Популярность Милана Кундеры находится в той же парадигме, что и популярность Милорада Павича или Умберто Эко. Это популярность интеллектуального писателя. Интеллектуальный писатель это не только тот, кто пишет «умные» книжки, а тот, кто обращается к «умному» читателю. То есть в каком-то смысле в читателе автор предполагает равного себе. Равного себе, по своему читательскому опыту. Не испытывает снисхождения к читателю, не предполагает в нем «человека скучающего», усталого от повседневности, а потому не способного к перевариванию «сложной» литературы, не думает, что развлечь могут только пустяки, болтовня и так называемая легкость. Что вовсе не исключает наличия «легкой» литературы в его читательском опыте.

В «Нарушенных завещаниях» Кундера предстает как читатель, или как писатель читающий. Потому что внимательное чтение писателями произведений других ав-

торов тоже имеет свою специфику (достаточно вспомнить известные лекции Набокова). Кундера пишет о писателях и композиторах, об истории развития романа и истории развития музыки. И уже один перечень имен свидетельствует, насколько высокую ноту он взял: Рабле, Сервантес, Бальзак, Достоевский, Кафка, Бах, Шонберг, Стравинский. И это не просто имена — как общие места, как знаки общих идей, — но размышления над текстами. Романная условность Рабле, его юмор (с которого вообще начинается, по мнению Кундеры, роман) и полифония Баха, подвергнутые забвению в классический период романа (в терминах Кундеры — период второго тайма) и воскресшие в творчестве модернистов, писателей и композиторов XX века, и другие теоретические положения и тезисы опираются на читательский опыт, на пристальное чтение. Чего стоят хотя бы размышления Кундеры над переводами Кафки, его примеры того, как переводчики, «исправляя» неправильный язык оригинала (например, придумы-

вая синонимы там, где в оригинале повтор одного и того же слова), лишают произведение оригинальности. Это один из случаев «нарушения завещания». Хотя есть и другие — публикация романов Кафки вопреки его желанию уничтожить все написанное им. Или желание интерпретаторов «купировать» в исполнении сочинения композиторов и т.д.

Эрудиция Кундеры несомненна. Его читательский (и «слушательский» опыт) не может не восхищать. Но есть и еще одна важная вещь. Это своего рода «ярость» Кундеры, его повышенная эмоциональность, его равнодушие и личная заинтересованность. Это уже заинтересованность авторская. Осознание своего права не просто на суд и на суждение, но и на защиту автора (литератора, музыканта) как такового. Права не ремесленника, а демиурга. Кундера манифестирует демиургическое сознание, поскольку убежден, что оно только и отличает подлинного художника, погружает его не в историю вообще, но, по крайней мере, в историю искусства (в историю романа, в частности). Поэтому он сопричастен тому, что было до него. Он помнит и знает пройденный до него путь, и это знание — залог его собственного творчества. И, в свою очередь, собственный творческий опыт ему помогает при чтении.

«Человек — это тот, кто продвигается в тумане. Но когда он оглядывается назад, чтобы судить людей прошлого, он не видит на дороге никакого тумана». Забавно. Потому что пристальное чтение Кундеры — это еще и стремление сделать видимым исчезнувший из поля зрения «туман прошлого», показать призрачность шаблонов «исторической ясности».

Милан КУНДЕРА. Нарушенные завещания/Пер. с фр. М. Таймановой. СПб.: Азбука-классика, 2004. 288 с.